

РАЗСУЖДЕНИЕ

102
+

ГОСПОДИНА Ж. Ж. РУССО.

НА ВОПРОСЪ.

Какая добродѣтель есть самонужнѣйшая Героямъ; и которые суть тѣ Герои, кто оной добродѣтели не имѣли.

ПЕРЕВОДИЛЪ

ПАВЕЛЬ ПОТЕМКИНЪ.

6255

Родные книги

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1770. года.

с. 12/1662.

Государственная библиотека
им. В. Г. Болдырева
г. Свердловск

*Изъ Библиотекъ Великаго Императора
№ 901.*

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,
МИЛОСТИВОМУ
ГОСУДАРЮ,
ГРАФУ
ГРИГОРЬЮ
ГРИГОРЬЕВИЧУ
ОРЛОВУ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!
МИЛОСТИВЫЙ
ГОСУДАРЬ!

*П*оспѣвая переподѣ сей
Вашему Сіятельству,
исполняю я долгъ мой
приношеніемъ жертвы
благодѣяніямъ, коими общество
отъ насъ одолжено, и которыхъ я
будучи участникъ, укорялъ бы самъ
себя, ежели бы имѣя случай прине-
сти оную жертву по должности
признанія, не прослаплялъ добро-
дѣтелей, какими жизнь Ваша бли-
стаетъ.

Есть многія причины людямъ приносить пользу между собою взаимно ; но та отличается несравненно, которая по истинной добродѣтели плечетъ деликихъ людей учинять пользу цѣлому обществу.

Между тѣмъ, долгъ пообщепствѣхъ требуетъ того отъ каждаго челоувѣка, дабы не только пользующіеся паче прочихъ благодѣяніями, но и пидящіе ближнихъ наслаждающимися оными, оказывали спюю благодарность споспѣшникамъ общихъ благъ. Сколько Вы познесли себя благодѣяніями и добродѣтелью, то гласъ общій являетъ болѣе, нежели мое извѣясненіе ; но сія есть та побудительная причина, которой примаая гласу, я постапляю себѣ за долгъ прослаплатъ добродѣтели Ваши. Щастливѣ буду я, сстѣли сіе извѣясненіе мое позможетъ соотпѣтстпопать достойно той слапѣ, какопая имъ принадлежитъ!

Потомъ.

Потомство разбираетъ дѣла прошедшихъ вѣкоу и различаетъ оныя беспристрастно ; мы видимъ нынѣ премена Грекоу, Карфагеняну, и Римляну ; и судя оныя различаемъ ихъ по тѣмъ описаніямъ, какопыя о нихъ имѣемъ. Безъ сумнѣнія, наши потомки будутъ дѣла нашего вѣка судить со многими преимуществомъ предъ всѣми помянутыми народами. О коль нашли бы они насъ не благодарными, естли вы увидѣли, что никто изъ современниковъ сего блаженнаго вѣка, не могъ принести должной жертвы похвалъ такимъ благодѣяніямъ, какими вы дѣла свои вѣнчаете.

Пускай слава Героевъ нашихъ дней, поколебавшись въ трехъ частяхъ свѣта, песь поздухъ, потрясшихъ громомъ Россійскаго оружія море и землю, останется до позднѣйшихъ временъ, со славою повѣдъ

ВЕЛИКІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.
но естли ЕЯ повѣды приносятъ

слапу нашимъ пременамъ поينو ,
то законы ЕЯ не менѣе прослапляютъ миръ и прапосудіе , оныя не мѣнѣе слапны Монарху , какъ блистательны ему побѣды . А какъ блаженство изліять на народы есть гораздо рѣдкое дѣло , то и запоепанія онымъ уступають слапу . Какая страна болѣе одолжена щедротою прапленія , какъ Россія ? какой другой Монархъ кромѣ Великія нашей **МОНАРХИНИ ЕКАТЕРИНЫ ІІ** . пѣ самую жарчайшую поину , рассыпавъ поинство свое почти , такъ сказать , по псему земному шару и собирая отпсюду побѣды пѣ тожѣ самое претмя пекся бы радно о пнутренности своего государства ? Пускай писатели позносятъ громко дрепнія претмена , но мы пидѣли только подобнаго сему Монарха **ПЕТРА ВЕЛИКАГО** , котораго дѣла упѣнчапѣ , нынѣ сѣ сугубой слапою препозпышается **ВЕЛИКАЯ ЕКАТЕРИНА** . Я не упомяну здѣсь

о псѣхъ дѣлахъ ЕЯ пѣка, иное пред-
пріятіе подастъ можетъ быть нѣ-
когда мнѣ случай онымъ щастіемъ
поспользоваться. Но какъ сіе из-
липающееся блаженство относит-
ся ко слапѣ споспѣшниковъ сей об-
щей пользы, то какъ позможно,
чтобы пидя, колико пы споспѣше-
стствуете намѣреніямъ Великія на-
шей Монархини, пидя коль на-
полняете дни пѣка споего благодѣ-
яніями, пидя сколько щастія по-
даете пѣ обществѣ, сколько защи-
щаете рукою помочи споей без-
покропныхъ и притѣсненныхъ. Сло-
помъ: пидя плоды ежедневно Ва-
шихъ неисчетныхъ добродѣтелей,
которыми пы сердца псѣхъ плѣни-
ли, какъ можно подпору я, у-
молчатъ обѣ оныхъ?

А потому, съ какимъ великимъ
удопольстпемъ изображаю я пох-
палы благодѣаніемъ Вашего Сія-
пельство, и какъ не угрызается
пѣ томъ сопѣсть моя, принося
онымъ

онимъ жертву, когда цѣлое общество внутреннимъ признаніемъ ко онимъ оправдаютъ мое приношеніе! Я мню, что естли люди Небесами сужденные ко управленію великихъ дѣлъ обязаны пещись о пользѣ общей, и тѣмъ самымъ отличаютъ себя отъ обыкновенныхъ челоукоу, то столько же обязано общество не оставаться къ нимъ безъ признанія, дабы благодарство безъ благодарности не оставалось; а пѣ семъ случаѣ я упоаю, что тажъ самая сила благодарности, которую я здѣсь изображаю, наполняетъ чувствопанія по псѣхъ благоразумныхъ душахъ.

Не безъ причины я избралъ сію матерію, которой переподъ я Вашему Сіяшельству приношу; какое содержаніе можетъ пажнѣ сего быть? кто можетъ лучше сего Аптора изо псѣхъ писателей рѣшить такой попросъ? но кому жѣ удобнѣ приличествуетъ оный быть приписанъ

санъ

санъ какъ Вамъ? Вы, который столько опытошь явили пеликихъ дѣлъ! Что сердце Вы имѣете Геройское, то спѣтъ пидѣлъ: но что дѣшу имѣете добродѣтельную, тѣмъ цѣлое общество ежеднепно наслаждается. Сии то суть тѣ причины, кои принудили меня избрать пѣ Вашемъ Сіяпедльствѣ покровителя моего перепода.

Я не упоминаю здѣсь особенныхъ благодѣяній, которыми я отъ Васъ обязанъ, благодарность моя къ тому имѣетъ особлицыя и основанія. Но не могу умолчать о тѣхъ, которыми пообщу пѣ пользуются, и которое прослапляютъ есть долгъ каждаго челошѣка, имѣющаго пѣ себѣ благодарное сердце.

Примите МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ сіе приношеніе, какъ знакъ истиннаго признанія, которымъ сердце мое исполнено, и которое обяпываетъ имѣть къ Вамъ особлицое почтеніе, не по отличности

сти Вашего зпанія , или пысоко-
сти Вашей степѣни ; но по снисхо-
жденію Вашему къ тѣмъ , кои къ
Вамъ прибѣгають ; по разуму , по
особливымъ спойствамъ Вашей ду-
ши , и по тѣмъ добродѣтелямъ , ко-
торыя ежедневно Вамъ поую сла-
пу приносятъ. Я имѣю честь быть

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ !
МИЛОСТИВОЙ
ГОСУДАРЬ !
ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Покорный слуга
Пацель Потемкинъ,
РАЗ-

РАЗСУЖДЕНІЕ О ВОПРОСѢ.

Какая добродѣтель есть самонужнѣйшая Героямъ и которые суть тѣ Герои, кои одной добродѣтели не имѣли.

* * *

Естьли бы я не былъ Александръ, сказалъ такъ одинъ завоеватель, то желалъ бы я быть Диогеномъ. Сократъ, не сказалъ бы, что естьли бы я не былъ то, что я есть, такъ желалъ бы я быть Александромъ. Были причины сказать сіе помянутому Монарху; но не менѣе того были и Философу. Кто жъ долженствовалъ изъ нихъ быть предпочтенъ? Дер.

Дерзнемъ разрѣшитъ сей великій вопросъ, и прежде разглагольствія о Геройствѣ, пощимся назначитъ онаго мѣсто въ порядкѣ вещей нравственныхъ. Ибо безъ сей первой степѣни, какъ можемъ мы означать добродѣтели ему принадлежащія и рѣшитъ между оными преимущество?

Всѣ добродѣтели принадлежатъ мудрому, но естли Герой нѣкоторыхъ не имѣетъ, то блистаетъ онъ тѣми, коими обладаетъ. Перваго добродѣтели суть умѣренны, но онъ свободенъ отъ пороковъ; а второй хотя имѣетъ нѣкоторые недоспапки, но они заглаживаются блистательностію его добродѣтелей. Одинъ будучи всегда твердъ не имѣетъ дурныхъ качествъ; другой будучи великимъ не имѣетъ посредственныхъ. Оба они тверды и непоколебимы, но различнымъ образомъ и въ различныхъ вещахъ; одинъ уступаетъ только по самой причинѣ, другой не иначе, какъ по великодушію и слабости суть столь же мало извѣстны мудрому, какъ подлость не извѣстна Герою. А наглость не болѣе имѣетъ власти надъ душею сего, какъ спрости надъ душею онаго.

А потому есть болѣе совершенства во свойствахъ мудраго, а болѣе пышности во свойствахъ Героя; и преимущество должно спвовало бы остаться со стороны перваго, естли бы возможно удовольствоваться тѣмъ,
чтобъ

чтобъ разсмапривать ихъ таковымъ образомъ по нимъ самимъ. Но естли мы ихъ представимъ по сношенію ихъ съ выгодами общества, то новыя разсужденія произведутъ скоро иныя чувствованія, и опдадутъ качествамъ Геройскимъ по превосходство, которое имъ долженствуется, и которое имъ опдавалось во всякое время по общему согласію.

Въ самомъ дѣлѣ, попеченіе о сохраненіи собственнаго благосостоянія дѣлаетъ все упражненіе мудраго; и сего весьма довольно всеконечно, для исполненія должности человека обыкновеннаго. Но виды истиннаго Героя простираются далѣе; предметъ его есть благополучіе людей, и сему по высокому шуду посвящаетъ онъ великую душу полученную имъ отъ Бога. Философы, признаюсъ я, мнятъ научать людей наукъ быть благополучными, и какъ будто бы они должны были ожидать того, чтобъ учинить цѣлыя страны мудрыхъ; проповѣдываютъ они народамъ благоденствіе мирное, котораго народы никогда не постигаютъ ни идеи, ни вкуса. СОКРАТЪ видѣлъ и оплакивалъ нещасіе своего отечества; но ТРАЗИБУДУ предоспавлено было оное окончить; а ПЛАПОНЪ потерявши все свое краснорѣчіе, честь и время у Двора Тиранна, принужденъ былъ оставить другому славу, чтобъ избавить Сиракузы отъ ига тиранскаго.

скаго. Философъ можетъ дать свѣту нѣ-
 которыя полезныя наставленія; но такія
 поученія не исправятъ никогда ни великихъ
 людей оныя презирающихъ, ни народа, ко-
 торый ихъ не разумѣетъ. Люди не испра-
 вляются таковымъ опдѣлительнымъ обра-
 зомъ; ихъ не иначе дѣлаютъ благополучны-
 ми, какъ принужденіемъ, и должно имъ дать
 испытать благоденствіе, дабы они его возлю-
 бить могли. Сіи то упражненія и таланты
 принадлежатъ Герою; часто силою при-
 нужденъ онъ бываетъ возстановлять оное,
 и послѣ пріемлетъ благословеніе вѣчное отъ
 шѣхъ самихъ, которыхъ съ начала принуж-
 далъ онъ нести иго законовъ, дабы нако-
 нецъ дать имъ узнать, важность и власть
 разума.

И такъ Геройство изъ всѣхъ качествъ
 душевныхъ есть то, которое всего нужнее
 народамъ, чтобъ управляющіе оными были
 имъ укрощены. Сіе есть собраніе великаго
 числа высокихъ добродѣтелей, рѣдкихъ въ
 ихъ соединеніи, но еще рѣже въ ихъ силѣ,
 и шѣмъ паче рѣдкихъ, что Геройство, ко-
 торое онѣ составляютъ, будучи опдѣлено
 отъ всякой личной корысти, не имѣетъ ни-
 чего себѣ предметомъ, кромѣ блаженства
 другихъ, ни цѣною, кромѣ ихъ удивленія.

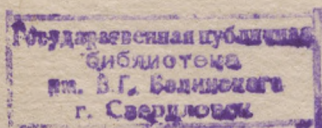
Я ничего не сказалъ здѣсь о славѣ закон-
 ной, и должной великимъ людямъ; ничего
 не

не говорилъ о силѣ духа, ниже о другихъ качествахъ личныхъ пошребныхъ Герою, и копорые не будучи добродѣтелями, часто служатъ паче, нежели добродѣтели къ успѣху въ великихъ предпріятіяхъ. Чшобъ поспавить истиннаго Героя въ его точномъ степенѣ, прибѣгну только къ сему неоспоримому праву, что сей есть между людьми тотъ, копорый дѣлаетъ себя наибольшимъ для другихъ, и копорый долженствуетъ быть первымъ изъ всѣхъ. Я не опасаясь, чшобъ мудрые не удовольствовались рѣшеніемъ основаннымъ на семъ правилѣ.

Правда то, что я поспѣшаю признаться, что разсматривая Геройство въ семъ образѣ, представляется нѣкоторое возраженіе, являющее себя тѣмъ паче труднѣе къ разрѣшенію, что оно взято изъ самаго основанія сего содержанія. Не надлежитъ быть, говаривали въ древніе вѣки, двумъ солдамъ въ естество, ни двумъ Цесарямъ на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ такъ точно есть въ Геройствѣ, какъ въ дорогихъ металлахъ, копорыхъ цѣна состоитъ въ ихъ рѣдкости, и копорыхъ множество сдѣлалось бы имъ пагубными или бесполезными. Тотъ, копораго мужество укропило свѣтъ, опустошилъ бы его, естли бы онъ нашелъ себѣ хотя одного достойнаго соперника.

Б

кія

кія обстоятельства могутъ дѣлать Героя
нужнымъ ко блаженству рода человѣче-
скаго ; народъ Геройской произвелъ бы не об-
ходимо паденіе онаго , и подобно воинамъ
Кадмусовымъ : онъ скоро истребилъ бы
самъ себя.

Какъ? скажутъ мнѣ , умноженіе благо-
дѣтелей человѣческаго рода , можетъ ли
быть людямъ бѣдспвенно ; и можетъ ли
излишество быть въ такихъ людяхъ , ко-
торые трудятся о благополучіи всѣхъ ?
Такъ безъ сумнѣнія буду я имъ отвѣтство-
вать : естли они за то дурно примутся ,
или будутъ въ томъ упражняться только
по внѣшнему виду . Не станемъ ничего са-
ми отъ себя скрывать . Благоденствіе все-
народное гораздо меньше бываетъ концемъ
дѣйствія Героя , нежели средствомъ , чтобъ
достигнуть того щастія , которое онъ себѣ
предполагаетъ ; а сей конецъ есть та по-
чти всегда собственная его слава . Любовь
ко славѣ учинила неизчисленно много добра
и зла ; но любовь къ опечесству гораздо без-
порядочнѣе въ своемъ основаніи , но много
достовѣрнѣе во своихъ дѣйствіяхъ . И такъ
свѣтъ часто былъ преобремененъ Героями ;
но народы никогда не могутъ имѣть до-
вольно гражданъ . Есть великая разность ме-
жду человекомъ добродѣтельнымъ съ тѣмъ ,
который только имѣетъ добродѣтели ; а
добро-

добродѣтели Героевъ рѣдко имѣютъ свой источникъ въ непорочности души. Подобно шѣмъ полезнымъ травамъ, но мало дѣйствующимъ, въ копорыя должно для живо-творенія мѣшати осприя и ѣдкаія соли. Можно сказать, что онѣ пребуотъ со-дѣйствія нѣкоторыхъ пороковъ, дабы имъ сообщить настоящую ихъ дѣйствительность. И такъ, не надлежитъ представлять Ге-ройство подъ мнѣніемъ совершенства нрав-ственнаго, отнюдь ему не принадлежащаго: но какъ составъ изъ добрыхъ и худыхъ качествъ полезныхъ или вредныхъ по об-стоятельствамъ и смѣшенныхъ въ такомъ размѣреніи, что часто изъ того происхо-дитъ болѣе благополучія и славы тому, кто оными обладаетъ, а иногда и болѣе блаженства для народовъ, нежели отъ со-вершеннѣйшей добродѣтели.

Изъ надлежащаго разобранія сихъ поня-тій открытыхъ слѣдуетъ, что могутъ быть многія добродѣтели сопротивны Ге-ройству; а другія для него неразспвенныя; что нѣкоторыя ему больше или меньше способственны, по разному ихъ сношенію съ великимъ онымъ искусствомъ, покоряетъ сердца, и привлекаетъ на себя удивленіе на-родное; и что наконецъ, между сими по-слѣдними, должно быть такой, которая ему посприбе, важнѣе и необходимѣе, и

которая нѣкоторымъ образомъ начертываетъ его свойство. Сія-то особенная добродѣтель есть собственно Геройская, и долженствуемъ быть здѣсь предметомъ моихъ разысканій.

Ничто такъ не рѣшительно, какъ невѣжество; и сумнѣнія въ народѣ столько же рѣдки, какъ утверждения у истинныхъ Философовъ. Давно уже народное предразсужденіе положило свой приговоръ о семъ вопросѣ, о которомъ мы здѣсь разсуждаемъ. Храбрость воинская у большаго числа людей почитается за первую добродѣтель Героя. Дерзнемъ мы прейпи отъ сего слѣпаго суда предъ судилище здраваго разума, и пускай предразсудки, будучи столь часто его врагами и побѣдителями, научатся также со своей стороны уступать ему.

Не удалимся отъ самаго перваго разсужденія, каковое намъ сей предметъ подаетъ; и согласимся шопчасъ, что народы весьма не разсмотрительно воздаютъ пошпеніе и похвалу воинской храбрости, или что сія есть весьма ненавистная въ нихъ неосновательность, когда они думаютъ, якобы чрезъ испребленіе людей, благодѣтели челоѣческаго рода возвѣщаютъ свое свойство. Мы совокупно, и весьма неискусны

и весьма злополучны, еспльи только испребленіемъ нашимъ можно произвестъ вѣ насъ удивленіе. И пакѣ должно ли думать, что еспльи когда благоденствіе и мирѣ воспановяпся между народами, то они изженутѣ Геройство со ужаснымъ сомномѣ бѣдствій всенародныхъ, и Герои всѣ сосланы будутѣ во храмъ Янусовъ, пакѣ какѣ послѣ войны старья и ненужныя оружія запираютѣ вѣ Арсеналѣ.

Я вѣдаю, что между качествѣ долженствующихъ составлятъ великаго человѣка, отважность значитѣ нѣчто. Но еспльи нѣтъ сраженія, то храбрость не нужна. Храбрый оказываетѣ свои опыты только вѣ день сраженія, а истинный Герой доказываетѣ свои вседневно, и добродѣтели его, оказывающія себя, иногда вѣ великолѣпнѣ пѣвѣмъ наипаче употребительны вѣ скромнѣйшей наружности своей.

Осмѣлимся сказать, сколько не достаетѣ до того, чтобѣ храбрость была первая добродѣтель Героя; ибо сумнительно и то, должно ли ея почитать вѣ числѣ добродѣтелей. Какѣ можно почитать симѣ званіемѣ такое качество, на которомѣ толико злодѣевѣ основали свои бѣззаконія? Нѣтъ! никогда Катилены, ни Кромвели не учинили бы имена свои славными, ни-

когда бы первый изъ сихъ не покусился на развореніе своего опечества, ни другой не поработилъ бы своего, еспли бы самая непоколебимая неустрашимость не была основаніемъ свойствъ оныхъ. Съ нѣкоторыми бѣ еще добродѣтелями, скажете вы мнѣ, были бы они Героями. Но скажите лучше, что съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ беззаконій они были бы челоуѣками.

Я не стану здѣсь разсмапривать сихъ пагубныхъ воиновъ, бывшихъ ужасомъ и бичемъ рода челоуѣческаго, сихъ людей жаждущихъ крови и побѣдъ, копорыхъ имена произнести не возможно безъ ужаса, то есть: МАРИУСОВЪ, ГОТИЛОВЪ, и ТАМЕРЛАНОВЪ. Я не воспользуюсь шѣмъ справедливымъ опвращеніемъ, которое они на себя навлекли опъ цѣлыхъ народовъ, и какая надобность прибѣгать къ таковымъ чудовищамъ для ушверженія, что храбросць и самая некорыстололюбивая есть болѣе подозрительна въ своемъ основаніи, болѣе повседневно въ своихъ примѣрахъ, и болѣе пагубна въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели сколько принадлежишь искренности, швердоси и выгодамъ добродѣтели. Сколько есть дѣлъ доспомятныхъ, произведенныхъ опъ сшда или опъ шщеславія? Сколько дѣлъ оказанныхъ въ виду дневнаго свѣшила, въ глазахъ начальниковъ и въ присутствіи цѣлой арміи,

арміи, которыя оказались ложными въ пишинѣ и во мрачности ночной? Иной бываешъ храбрецъ среди своихъ поварищей, который былъ бы только шрусомъ, будучи оставленъ самому себѣ; иной имѣешъ повелительство Генеральское, который никогда не имѣлъ сердца воинскаго; иной идетъ прямо на проломъ, презирая смерть и мечь непріятельской, которой подъ кровомъ своего дому не можешъ выдержать виду полезнаго ему лечебнаго желѣза. Таковой-то былъ храбръ, въ такой-то день, говорили Испанцы во время Карла Пятаго, а сіи люди умѣли между собою разбирать храбрость. Въ самомъ дѣлѣ ничто не можешъ быть столь переменнo, какъ храбрость, и весьма мало есть такихъ чистосердечныхъ воиновъ, которые бы осмѣлились за себя поручиться на двадцать четьре часа. Аяксъ успрашилъ Гектора; Гекторъ успрашилъ Аякса, и бѣжалъ отъ Ахиллеса. Великій Антиохъ былъ половину своей жизни храбрымъ, а другую шрусомъ. Побѣдитель трехъ частей свѣта потерялъ храбрость и голову при Фарсалии. Самъ Цесарь содрогнулся въ Дурахіи, и боялся въ Мундѣ. А побѣдитель Брута съ робостію бѣжалъ отъ Октавія оставивъ и побѣду, и обладаніе свѣта тому, которой отъ него получилъ какъ то, такъ и другое. Можно ль подумать, что за недостаткомъ новѣй-

шихъ примѣровъ представляю я только древніе?

И такъ пускай, не говоряшъ намъ болѣе, что лавры Геройскіе принадлежатъ только храбрости и талантамъ военныхъ людей. Не по удачамъ однимъ дѣлѣ слава великихъ людей измѣряется. Спокрашно побѣжденные достойнѣе были славы и заслуживали оную паче своихъ побѣдителей. Да соберутъ всѣ голоса и скажутъ мнѣ, кто былъ больше Александръ, или Пиръ? Пиръ, или Фаврицій? Антоній, или Брутусъ? Францискъ I. въ оковахъ, или Карлъ Пятый торжествующій? Валезій побѣдитель, или Колиній побѣжденный?

Что скажемъ мы о сихъ великихъ людяхъ, которые не омакая руки своей во крови, шѣмъ достовѣрнѣе только спали достойны безсмертія? Что скажемъ мы о законодапелѣ Спартанскомъ, который наслаждаясь удовольствіемъ обладанія, имѣлъ столько духа, что уступилъ корону свою законному преемнику, не пребующему опѣ него онья: о семъ кропкомъ и миролюбивомъ гражданинѣ, который умѣлъ опмстити обиды ему сдѣланныя не смертію виновника, но шѣмъ, чпобъ учинити его честнымъ человекомъ; должно ли лживымъ назвати Оракулъ, которой ему почпи божескія

жескія приписалъ почести, и опреши Геройство того, копорый Героями учинилъ всѣхъ своихъ согражданъ? Что скажемъ мы о законодателѣ Аѳинскомъ, копорый умѣлъ сохранить вольность свою и добродѣтель у Дворовъ Тиранскихъ, и дерзнулъ утверждать въ лицо богатому Монарху, что могущество и богатство не дѣлаютъ человѣка благополучнымъ? Что скажемъ мы о самомъ величайшемъ человѣкѣ изъ Римлянъ, и о самомъ добродѣтельнѣйшемъ изъ людей; объ ономъ образцѣ гражданъ, копорому разрушилъ опечесва одному здѣлалъ честь столько ненавидѣть, чтобъ употребилъ противу его перо послѣ его смерти. Не сдѣлаемъ ли мы сего поспыжденія Геройству, чтобъ опреши сіе званіе Катону? Но однако же сей человѣкъ не прославилъ себя на сраженіяхъ, и ни мало не наполнилъ свѣтъ слухомъ дѣлъ своихъ въ войнѣ. Я обманулся, онъ здѣлалъ одно дѣло, но самое пруднѣйшее, какое только когда нибудь было предприемлемо; и единое то, копорому никогда подражать не будишь, а именно: когда онъ изъ нѣкопорого множества воиновъ составилъ общество разумныхъ, праводушныхъ и скромныхъ людей.

Извѣстно каждому, что храбрость не была удѣломъ Августа. Не на берегахъ Акійскихъ,

ниже въ поляхъ Филиппійскихъ собралъ онъ лавры, которые учинили его безсмертнымъ, но въ Римѣ умираннымъ и учиненнымъ благополучнымъ. Подверженная ему вся селенна меньше способствовала къ славіи и безопасности его жизни, нежели правосудіе его законовъ и прощеніе Циннѣ. Сполько-то добродѣтели обществѣныя и въ Героѣ должны предпочтены бытъ храбрости. Самой великой полководецъ въ свѣтѣ умираетъ убивъ будучи въ полномъ собраніи Сената за нѣкоторое нескромное превосношеніе, что желалъ онъ присвоить щещное шило ко власти вещественной; а ненавистный сочинитель убійственныхъ списковъ, заглади злодѣйства свои силою правосудія и милоспії, спалъ опцемъ своего опечества, которое до того онъ поражалъ, и умеръ будучи обожаемъ тѣми Римлянами, коихъ онъ учинилъ рабами.

Къ примѣрамъ представляющимся здѣсь безчисленно, и копорыхъ здѣсь предложимъ всѣхъ не позволимельно, приложимъ мы нѣкоторыя разсужденія утверждающія по заключеніе, которое я здѣсь изъ оныхъ произвестъ хочу. Чшобъ назначить первое мѣсто храбрости во свойствѣ Геройскомъ, то будетъ, какбы подать преимущество рукъ исполняющей какое либо дѣло, надъ главою оной располагающею. Между тѣмъ, легче
найши

найши рѹки , нежели голову. Можно повѣ-
ришь другому исполненіе великаго намѣре-
нія , не теряя ни мало главнаго въ помѣ-
достоинства ; но исполнишь важное намѣ-
реніе другаго , естъ войши добровольно въ
нѣкоторое подчиненіе , каковое Герою уже
не приличествуетъ .

Такимъ образомъ , какая бы ни была
добродѣтель , означающая онаго , но она дол-
женствууетъ возвѣщатьъ высокій разумъ , и
быть съ нимъ неразлучно. Геройскія каче-
ства имѣютъ свое зарожденіе въ сердцѣ ,
но оныя уже во главѣ открываются и при-
емлютъ памѣ свою швердосць . Душа са-
мая чистѣйшая можетъ заблуждать въ шеченіи
самаго блага , естли разумъ и раз-
сужденіе ея не предводительствуютъ , но и
всѣ добродѣтели колеблются безъ шеченія
со оными благоразумія . Твердосць пере-
раждается легко во упрямство , шихосць
во слабосць , ревносць въ сумазбродство ,
храбросць во звѣрство . Часто великія пред-
пріянія , худо располагаемыя , дѣлаютъ боль-
ше вреда шому , кто не возымѣетъ въ оныхъ
успѣха , нежели бы полученной успѣхъ при-
неси могъ чести ; ибо презрѣніе обыкно-
венно бываетъ сильнѣе , нежели почтеніе . Ка-
жется еще и то , что во произведеніи бли-
стательной славы , добродѣтели гораздо
легче замѣняются шаланшами , нежели ша-
ланшы

ланшы добродѣтелями. Сѣверный воинъ не весьма проспаннаго разума, но безпредѣльной храбрости, среди своего печенія потерялъ славу приобрѣтенную чудеснымъ мужествомъ и великодушіемъ; да и весьма сумнительно во общенародномъ мнѣніи, что убійца КАРЛА СТУАРДА со всѣми своими злодѣянїями, не долженъ ли почтенъ быть за самаго великаго человѣка, какой когда либо на землѣ существовалъ.

Храбрость не составляетъ свойства, а напропиву того опъ свойства того, кпо онымъ обладаетъ, прїемлетъ она свой особый видъ. Она есть добродѣтель въ душѣ добродѣтельной, а порокъ во злой душѣ. Шевалье БАГАРДЪ былъ храбръ, КАРТУШЪ былъ такожде: но кпо возмнилъ когда либо, чтобъ они храбры были одинаковымъ образомъ. Храбрость въ сосояніи приниматъ на себя всѣ образы: она бываетъ великодушна или звѣрская, непросвѣщенная и просвѣщенная, неисповствующая или спокойная, по свойствамъ души ею обладающей; по обстоятельствамъ же она мечъ пороковъ, или щипъ добродѣтели. А понеже она не возвѣщаетъ необходимо ни величества душъ, ни величества разума, то и не можетъ принята быть добродѣтелью самою нужною для Героя.

Я оглашалъ здѣсь мнѣніе опасное и весьма распространившееся; но не имѣю пѣхъ самыхъ причинъ слѣдовать во всѣхъ сихъ подробностяхъ способу исключенія. Всѣ добродѣтели рождаются отъ различныхъ сношеній, каковыя общество установило между людей, но число сихъ сношеній есть почти безконечно. Какое жѣ было бы предпріятіе оныя всѣ изчислить? Оно было бы чрезмѣрно; понеже въ людяхъ есть сполько возможныхъ добродѣтелей, сколько вещественныхъ пороковъ; оно было бы также излишнее, понеже въ число великихъ и трудныхъ добродѣтелей, каковыя Герою потребны для прямого повелѣванія, не можно включить за необходимыя великое число еще труднѣйшихъ добродѣтелей, въ которыхъ народная толпа имѣетъ надобность для повиновенія. Иной блисталъ въ первой степеніи, который если бы родился въ послѣднемъ, то скончалъ бы жизнь свою споль беззнапно, что ниже могъ сдѣлать себя примѣтнымъ. Я не знаю, что сдѣлалось бы съ Эпиктетомъ, возведенномъ на тронъ свѣта; но знаю то, что на мѣстѣ Эпиктета самъ Цесарь былъ бы не иное что, какъ худой невольникъ.

И такъ для краткости ограничимъ себя, при раздѣленіяхъ установленныхъ Философами, и удовольствуемся пройди чешыре

тыре главныя добродѣтели, къ которымъ они относятся уже всѣ прочія, удостовѣрять, что не во придапочныхъ беззнапныхъ и нижшихъ качествахъ должно искать основанія Геройству.

Не можемъ ли мы сказать, что справедливость есть по основаніе. Между тѣмъ, какъ на самой несправедливости большая часть великихъ людей основывали достопамятные знаки своей славы? Одни упоаясь любовью къ опечеству ничего не находили беззаконнаго для услугъ его, и не сомнѣвались для пользы онаго употреблять ненавистныя средства, которыхъ бы ихъ великія души никогда не вознамѣрились употребить для своей пользы; другіе, снѣдаемы будучи честолюбіемъ, ни о чемъ болѣе не пеклись, какъ только, чтобъ наложить оковы на народъ своей земли; желаніе мѣспи иныхъ склонило къ измѣнѣ. Одни были алчныя завоеватели, другіе хитрыя похитители, иные не имѣли и того стыда, чтобъ быть служителями тиранства другихъ. Одни презрили свою должность, другіе ругались своею вѣрностію, нѣкоторые были несправедливы по системѣ, другіе по слабости. Большая часть отъ честолюбія, всѣ однакожъ сдѣлались безсмертными.

А потому справедливость не есть па добродѣпель, копорая означаетъ Героя: не лучше же сего можно сказать, чтобы воздержаніе или умѣренность была симъ основаніемъ; понеже не имѣніемъ сей послѣдней добродѣтели самые знаменитые люди учинили себя безсмертными, и порокъ пропивоборствующій другой изъ сихъ добродѣтелей ни одному изъ оныхъ не воспрепятствовалъ въ достиженіи безсмертія; ни Александру, котораго сей ужасный порокъ покрылъ кровію друга его; ниже Цесаря, котораго всѣ распустиности его жизни не лишили ни одного храма послѣ его смерти.

Благоразуміе есть болѣе качество ума, нежели добродѣпель душъ. Но какимъ образомъ ея ни представимъ, всегда въ ней найдемся болѣе твердости, нежели блеску, и она служитъ болѣе ко оказательству другихъ добродѣтелей, нежели возсіяетъ по себѣ сама. Еслили она предупреждаетъ великія погрѣшенія, то напрошивъ того также вредитъ великимъ предпріятіямъ; ибо весьма изъ оныхъ мало такихъ находится, которыхъ бы не должно было болѣе приписывать случаю, нежели сколько приличествуетъ человѣку разумному. Сверхъ того - свойство Геройства, есть возвести на самую вышшую степень добродѣтели ему свойственныя. Но ничто споль не близ-

ко къ малодушію , какъ чрезмѣрное благо-
разуміе ; и такъ оное не можетъ быть
добродѣтелью означающею Героя.

Человѣкъ добродѣтельной справедливъ ,
благоразуменъ , умѣренъ , не будучи одна-
ко же Героемъ , а часто бываетъ Герой безо
всего онаго . Не устращимся согласиться ,
что часто презрѣнію , все сихъ добродѣте-
лей Геройство , долженствовало своею сла-
вою . Что былъ бы Цесарь , Александръ ,
Пурусъ , Ганнибалъ . представленные съ сей
сторонъ ? Съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ
пороковъ были бы они , можетъ быть , не
столько славны ; ибо слава есть награжде-
ніе Геройства , но для добродѣтели совсѣмъ
другаго требуется награжденія .

Если бы надлежало раздавать добро-
дѣтели шѣмъ , кому оныя лучше приличе-
ствуютъ , я означилъ бы благоразуміе че-
ловѣку принадлежащему къ правленію ,
справедливостъ гражданину , умѣренность
мудрецу . Но силу душевную отдалъ бы я
Герою , и онъ не имѣлъ бы причины на свою
часть жаловаться .

Въ самомъ дѣлѣ , сила есть сущее
основаніе Геройства . Она есть источникъ ,
или дополненіе добродѣтелей , оное соста-
вляющихъ . И она-то дѣлаетъ оное спосо-
бнымъ

нымъ къ великимъ дѣламъ. Собери по изволенію качества могущія спекаться на составленія великаго человѣка; естли не приложишь силы для оживошворенія ихъ, то всѣ они падутъ въ уныніе и Геройство исчезнетъ. Напрошивъ того единая сила душевная даетъ необходимо великое число добродѣтелей Геройскихъ тому, кто онымъ одаренъ, и замѣняетъ всѣ прочія.

А какъ можно дѣлать нѣкоторыя добродѣтели не будучи добродѣтельнымъ, то можно такожъ дѣлать великія дѣла, не имѣя прѣва къ Геройству. Не всегда Герой дѣлаетъ великія дѣла, но онъ всегда готовъ исполнить оныя въ надобности, и кажетъ себя великимъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни своей. Вотъ! что его отличаетъ отъ обыкновеннаго человѣка! безсильной человѣкъ можетъ иногда взять заступъ и рыть землю нѣсколько минутъ, но онъ скоро приводитъ себя во изнеможеніе и устаетъ. А имѣющій тѣлосложеніе пвердое, хотя не безпрестанно работаетъ, однако можетъ по крайней мѣрѣ по сдѣлать, не себя беспокоя и своей силѣ одолженъ точно сею возможностью.

Люди паче ослѣплены, нежели злы, и много болѣе слабости въ ихъ порокахъ, нежели худаго намѣренія. Мы себя самихъ

В

прежде

прежде обманываемъ , нежели другихъ , погрѣшенія наши происходятъ только отъ заблужденій нашихъ ; и мы впадаемъ въ оныя только потому , что прельщаемся нѣкоторыми малыми выгодами настоящаго времени , которыя приводятъ у насъ въ забвеніе самонужнѣйшія вещи , но отдаленныя . Опшуда то происходятъ всѣ малости , кои означиваютъ простой народъ . Непостоянство , легкомысліе , упрямство , мошенничество , суевѣріе и мучительство ; пороки , которыя всѣ имѣютъ свой источникъ въ слабостяхъ души . Напротивъ того все великое и щедро въ душѣ сильной ; понеже она умѣетъ различать прямо хорошее отъ того , что только одинъ видъ хорошаго имѣетъ , и вещество отъ вѣшняго оказанія , а потомъ и прилѣпится къ своему предмету съ такою твердостью , которая отдалаетъ прельщеніе и превосмогаетъ наивеличайшія затрудненія .

Таковымъ - то образомъ разсужденіе недостоверное , и сердце легко допускающее себя къ прельщенію дѣлаетъ людей слабыми и малыми . Чтобъ быть великимъ , должно сдѣлаться надъ собою господиномъ . Мы во внутренности своей имѣемъ опаснѣйшихъ своихъ непріятелей , и кто ихъ преодолѣть можетъ и побѣдитъ , тотъ болѣе славы найдетъ по разсужденію мудрыхъ

рыхъ людей, нежели когда бы онъ завоевалъ всю вселенную.

Вошъ, что производитъ сила душевная! Симъ-то образомъ можетъ она просвѣщать разумъ, распросирашь духъ и придавать важности и дѣйствія всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ, и еще можетъ замѣнить и шъ, которыхъ нѣтъ; ибо человекъ, который не былъ бы бодръ, справедливъ, благо-разсудителенъ, ни умѣренъ по склонности, однакъжъ будетъ по разсужденію. Какъ скоро преодолѣвъ свои страсти, и побѣдя предубѣжденія, почувствуетъ онъ, сколько ему выгодно быть таковымъ, какъ скоро онъ увѣренъ будетъ, что иначе не возможно учинить себя благополучнымъ, какъ токмо трудясь о щастіи ближнихъ; а потому сила есть точно добродѣтель, означающая Геройство, и она таковою есть еще и по другому неоспоримому доказательству, которое я здѣсь предлагаю изъ разсужденія одного великаго человека; то есть, другія добродѣтели, говоритъ Канцлеръ Баконъ, освобождаютъ насъ отъ порабощенія пороковъ, но единая сила избавляетъ насъ отъ порабощенія щастія.

По опредѣленіи добродѣтели означающей Геройство, долженъ бы я былъ говорить о шѣхъ, которые Геройства достигли,

гнули, не имѣя пош. Но какъ бы они могли до того дойти безъ сей части, копорая единая полько соспавляетъ Героя., и копорая ему существенна? Я ничего о томъ сказать не могу, а по ужè и шоржество есть моего предпріяшя. Между славнѣйшихъ людей, копорыхъ имена означены по храмъ Слапы, одни не имѣли благоразумія, другіе умѣренности; были нѣкоторые безчеловѣчны, несправедливы, неблагоразумны, вѣроломны; всѣ они имѣли слабости, но ни одинъ не былъ изъ нихъ человекъ слабой, однимъ словомъ сказать: всѣ прочія добродѣтели могли не доставать нѣкоторымъ великимъ людямъ, но безъ силы какъ въ разумъ, такъ и въ душъ, не было никогда Героя.

КОНЕЦЪ.

1/49

Белій Кая редкоі ти б
 кой Сѣтолм Амійу Сего
 Прогпемо. Ма та. 2.
 1779

00-10

1-00

А. Комарова Т.
Путь к Р. в 30 минут

